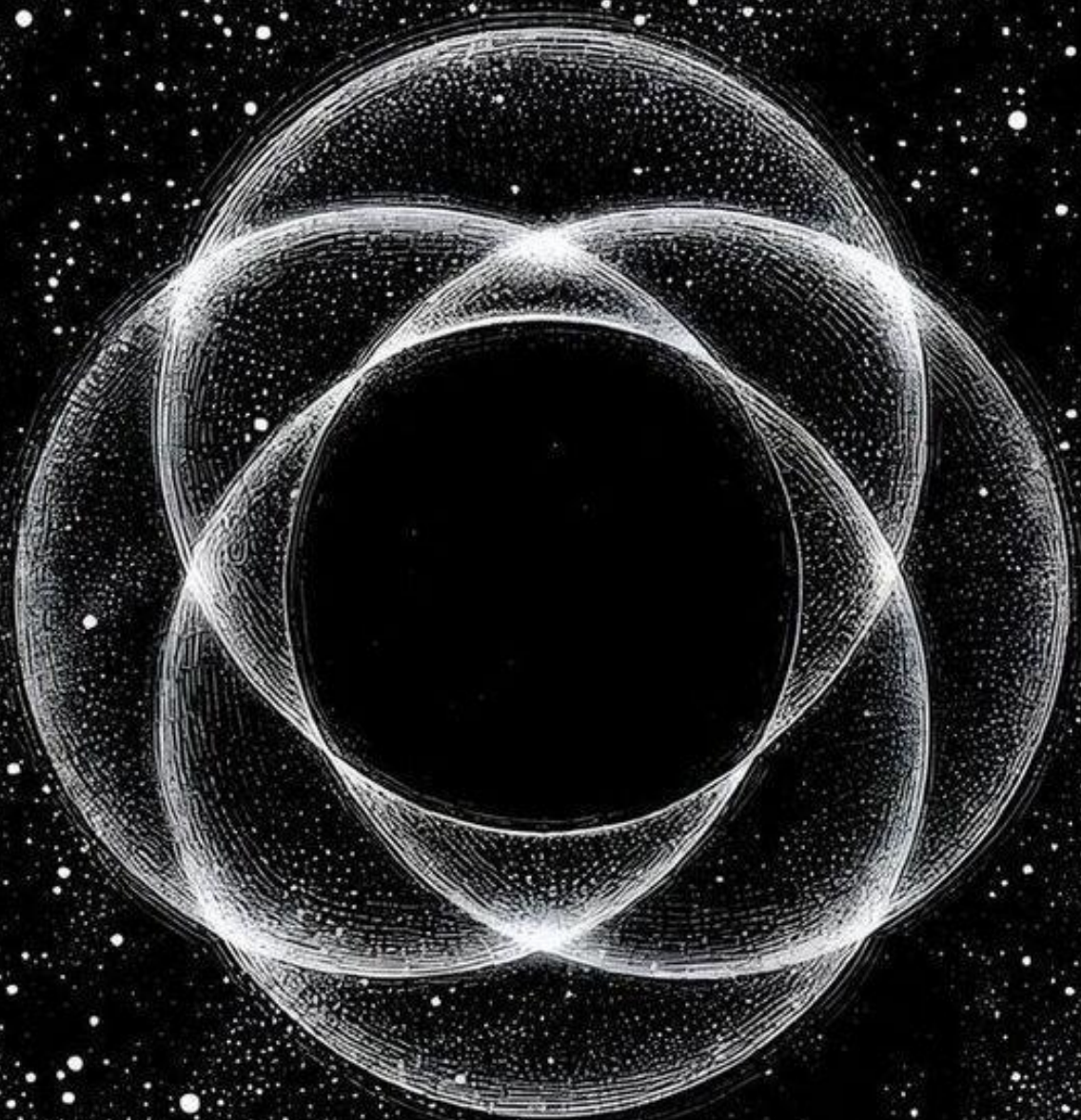

12+

СЕРГЕЙ КИРНИЦКИЙ

Трилемма субъекта

СВОБОДА, СИЛА, НЕЗАВИСИМОСТЬ

Сергей Кирницкий

**Трилемма субъекта. Свобода,
сила, независимость**

«Издательские решения»

Кирницкий С.

Трилемма субъекта. Свобода, сила, независимость /
С. Кирницкий — «Издательские решения»,

Свобода живёт в зазоре между субъектом и миром. Сила — в контакте с ним. Независимость — в замкнутости субъекта на себя. Зазор, контакт и замкнутость не складываются в одну позицию: каждая пара свойств отменяет третье. Отсюда — ровно три устойчивых режима субъективности, а четвёртый, удерживающий всё сразу, логически пуст. Книга показывает, почему полный субъект невозможен. И почему эта невозможность — не нехватка, а форма.

Содержание

Часть I. Структура трилеммы	6
Глава 1. Свобода как зазор	7
1.1. Свобода как зазор: первое определение	7
1.2. Соседние определения и их предмет	9
1.3. Почему выбрана феноменология зазора	11
1.4. Жизнь в зазоре: открытость и нерешённость	13
Глава 2. Сила как контакт	15
2.1. Сила как контакт: первое определение	15
2.2. Соседние определения и их предмет	16
2.3. Почему выбрана феноменология контакта	18
2.4. Жизнь в контакте: рычаг и сцепление	20
Глава 3. Независимость как замкнутость	22
3.1. Независимость как замкнутость: первое определение	22
3.2. Соседние определения и их предмет	24
3.3. Почему выбрана феноменология замкнутости	26
3.4. Жизнь в замкнутости: основания в себе	28
Глава 4. Тройное противоречие	31
4.1. Зазор, контакт, замкнутость как три модуса отношения к внешнему	31
4.2. Свобода и сила требуют сцепления — и потому отменяют независимость	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Трилемма субъекта Свобода, сила, независимость

Сергей Кирницкий

Дизайнер обложки Created with Grok

© Сергей Кирницкий, 2026

© Created with Grok, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2810-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Структура трилеммы

Свобода, сила, независимость — три слова, которые в обыденном сознании срастаются почти беззастенчиво. Они мыслятся вместе, желаются вместе, читаются как близкие; и сросток держится в том самом месте, где никто не пробует его на разрыв. Достаточно одного условия: брать каждое слово порознь, не сводя их в систему. Достаточно второго условия: не доводить употребление каждого свойства до точки, в которой оно должно стать действующим. Под этими двумя условиями три имени стоят рядом и друг другу не мешают.

У каждого из трёх свойств — собственная феноменологическая структура. Свобода стоит на одной, сила — на другой, независимость — на третьей. Эти три структуры — три модуса отношения субъекта к внешнему: расстояние, сцепление, замыкание. И именно как модусы они оказываются разнонаправленными, несводимыми в одну позицию. Несовместимость в спокойные времена скрыта тем, что субъект редко удерживает одно свойство до точки, где оно должно быть употреблено целиком; в этой точке и проявляется структурная цена. Прежде чем выйти к ней, нужно установить сами свойства — каждое в его собственном режиме.

Триада зазор / контакт / замкнутость — первичная грамматика этой работы.

Глава 1. Свобода как зазор

«Свобода» — слово, к которому каждая большая традиция подобрала собственный голос, и в этих голосах слышно почти всё, кроме того, что свободой собственно и называется. Самоопределение — субъект, выбирающий, кем ему быть. Осознанная необходимость — субъект, признающий мир таким, каков он есть, и существующий в этом признании. Бытие-в-возможности — субъект, для которого открыто множество того, чем он может стать. Все три имени работают; в каждом — своё содержание. Но всё это разворачивается рядом со свободой, не в той точке, где она сама.

То, что у трёх имён общего, видно, если поставить их рядом. Каждое называет нечто, идущее в субъекте или вокруг него: процесс — внутри, состояние — относительно, горизонт — впереди. Свобода же, удерживаемая в собственном смысле, должна быть условием, при котором этот процесс, это состояние и этот горизонт вообще возможны. Не процессом среди процессов и не свойством среди свойств, а формой, в которой процессы и свойства становятся видимы как открытые.

Чтобы увидеть, где она, приходится перестать искать её внутри субъекта. Свобода — не процесс, идущий в субъекте; не состояние, в котором он закрепился относительно необходимости; не запас потенциальностей, лежащих перед ним. Все эти явления реальны, и каждое из них становится возможным при условии, которого само не называет. Это условие — расстояние между субъектом и миром, в котором собственное «что я есть» субъекта ещё не закрыто.

Это расстояние — зазор. Не зазор как промежуток между готовыми возможностями, не зазор как момент перед выбором, а зазор как структурное пространство, в котором определённости пока нет. Внутри него субъект может действовать, выбирать, узнавать себя; но самым своим устройством зазор удерживает его от закрытия.

1.1. Свобода как зазор: первое определение

Свобода — зазор между субъектом и миром. Это первое и основное определение. Образ задан сразу в его рабочей форме, без предварительных рамок: пространство, в котором определённости пока нет.

Разница между этим зазором и его близкими — техническая, и она важна с самого начала, иначе образ соскользнёт. Зазор «между возможностями» — перебор вариантов, расстояние между альтернативами, которые уже стоят перед субъектом как нечто. Зазор «выбора» — момент колебания между двумя путями, оба из которых уже названы. Оба образа предполагают сцену, на которой нечто уже расставлено и между чем-то выбирается. Зазор как несущий образ свободы устроен иначе: это не промежуток между двумя нечем, а само пространство, в котором ещё нет ни первого нечего, ни второго. Расстояние, а не выбор; расстояние, а не интервал между готовыми вариантами.

В этом смысле зазор — структурное расстояние. У него нет содержания в виде того, между чем именно он лежит. Лежит он между субъектом и миром — но это не два предмета, разнесённые в пространстве; это две стороны отношения, которое и есть субъект-в-мире. Зазор — не дистанция, измеримая в чём бы то ни было, а форма, в которой субъект соотносится с миром, не успев закрыться определённой. Когда определённость наступает — через действие, через сцепление, через решение, — зазор сворачивается в той точке этого соотношения, где наступила, оставаясь в других. Полностью закрытым он бывает только в идеализированном пределе; пока субъект жив, какой-то зазор у него есть.

Локальность зазора имеет значение. Зазор не один на весь субъект, а распределён по точкам соприкосновения с миром. В одной точке он сворачивается — субъект уже определён в

этом отношении, привязан, втянут в дело, связал себя обещанием или ходом обстоятельств. В другой точке остаётся открытым — там определённости ещё не наступила или уже отступила. Поэтому говорить о свободе как о ровном состоянии, общем для всего субъекта, — не вполне точно. Свобода живёт в зазоре, но зазор живёт фрагментарно, и феноменология свободы есть феноменология этой фрагментарности, а не однородного поля открытости.

«Не определён ничем заранее» — формула, легко сбиваемая на одно из соседних значений. Первое смешение — со свободой выбора: субъект не определён, потому что ещё не выбрал, и в этом несостоявшемся выборе якобы и состоит его свобода. Второе — со свободой как способностью: субъект не определён, потому что может всё, или почти всё, и неопределённость есть знак его потенциальной всеильности. Оба прочтения берут отрицание шире, чем оно выдерживает.

«Не определён ничем заранее» не значит «не определён вообще». Субъект, существующий в зазоре, имеет свойства, способности, склонности, историю; всё это в нём есть. Не значит это и «может всё»: способности конечны, обстоятельства закрыты, тело имеет форму. Значит это, что в самом расстоянии между субъектом и миром собственное «что я есть» субъекта пока не закрыто. Закрытие происходит — через сцепление с миром, через выбор, через действие; но закрывает не зазор. Закрывают то, что разворачивается внутри него.

Этот ход стоит проговорить отдельно. Действие закрывает определённый участок зазора — тот, к которому относится; сделанный выбор закрывает один участок и нередко открывает другой; привязанность закрывает третий, иногда надолго. Каждое из этих закрытий не отменяет зазора как структуры — оно отменяет открытость в одном из его мест. Жизнь субъекта оказывается постоянным движением зазора, его сворачиванием в одних местах и сохранением или восстановлением в других. Зазор как структура вмещает все эти сворачивания и держится, пока субъект остаётся субъектом.

Свобода как зазор — не способность и не качество субъекта. Это не то, что у субъекта есть; не то, что он может; не то, чем он наделён. Это структура, в которой его свойства и способности могут вообще быть. Зазор предшествует наполнению — не во времени, а в порядке оснований. Свойство возможно потому, что между его носителем и миром есть расстояние, в котором свойство может работать. Свести зазор к одному из таких свойств значит подменить условие его частным случаем.

Зазор легче всего сместить в психологию, потому что слово «свобода» в обыденной речи слышится через переживание. Чувство свободы — открытость как настроение, лёгкость, ощущение возможности — действительно бывает; и его обычно относят к свободе как к её содержанию. Между тем эти переживания возможны в зазоре, но не суть его. Чувство свободы — феномен, разворачивающийся внутри структуры; описывать структуру в терминах этого чувства значит описывать дом по запаху воздуха в одной из его комнат.

Эту разницу удобно проверять обратной стороной. Внутри зазора возможно противоположное чувство — оторванность, неустроенность, напряжение нерешённости; и это тоже не сам зазор. Эмоциональный регистр — то, в каком отношении субъект стоит к собственному зазору, как переживает его. Зазор остаётся структурным условием в обоих случаях: и когда переживается лёгкостью, и когда переживается тяжестью.

Если феноменологию зазора свести к описанию приятного переживания, образ свернётся к чувству — и тогда любой опыт, лишённый этого чувства, окажется опытом несвободы. Если свести к описанию неприятного — образ свернётся к мучению, и свобода окажется тревогой выбора, мерой неустроенности. Оба сведения теряют то, ради чего зазор и взят как несущий образ: свободу как структуру, а не как состояние, через которое субъект к этой структуре относится. Феноменология зазора — не психология свободного человека; это описание формы, через которую субъект относится к миру до закрытия определённости.

Поэтому первое определение свободы как зазора удерживается на минимуме. Структурное расстояние между субъектом и миром, в котором субъект не определён ничем заранее, — формулировка, очищенная от психологизации, от сведения к выбору, от понимания как способности. Это рабочая формула; всё, что добавляется к ней, добавляется как уточнение, не как замена. На этом минимуме держится зазор; вокруг него теперь располагаются соседние имена.

1.2. Соседние определения и их предмет

Самоопределение — первое из трёх имён, и его опасность в том, что оно ближе всего к обыденной интуиции «я свободен, когда я сам решаю». Здесь и спрятано смешение. Самоопределение — работа, выполняемая внутри уже существующего субъекта: ход, которым субъект решает, кем ему быть, как ему относиться к миру, что в нём он принимает за своё, что отказывается принять. Работа реальна. Возможна она именно потому, что зазор есть: без расстояния между собой и миром решать было бы не из чего и не во что. Но разворачивается она на одной стороне зазора — на стороне субъекта. Это движение оттуда — внутрь, к собственным основаниям, к собственным линиям; не сама структура, в которой это движение становится возможным.

Зазор остаётся пространством, в котором самоопределение выполняется и в котором оно ещё не закрыло собой всё. Решение быть таким-то закрывает один участок зазора и оставляет открытыми другие; следующее решение закроет другой, оставит третий. Самоопределение работает с локальными закрытиями, но не отменяет того пространства, внутри которого эти закрытия происходят. Сама работа собирает субъекта внутри себя; зазор продолжается, и внутри него продолжается следующая работа.

Свести свободу к самоопределению значит подменить пространство процессом, идущим внутри него. Получается определение свободы через одну из её функций: свободен тот, кто себя определяет. Формула о том, что субъект делает в зазоре, а не о самом зазоре. Различение тонкое, но цена его — структурная: без него свобода теряет статус условия и становится одним из видов деятельности.

Смешение тем коварнее, что у самоопределения есть собственное право быть формой свободы — в локальном смысле. Когда субъект решает, как ему относиться к собственным склонностям, к собственной истории, к собственному положению, он действительно высвобождает в себе возможность жить иначе, чем по инерции. Эта локальная свобода реальна. Но она работает внутри уже существующего пространства зазора, не учреждая этого пространства. Самоопределение — то, что субъект делает с собственным зазором; не сам зазор. Принять самоопределение за всю свободу значит описать ту работу, которая в зазоре идёт, и упустить тот зазор, без которого работы бы не было.

Осознанная необходимость стоит дальше, и смешение с ней труднее, но именно в силу этого его иногда не замечают. Формула — старая, у неё несколько кристаллизаций в философской традиции: субъект признаёт мир таким, каков он есть, и существует в этом признании. У формулы своя сила: она снимает противопоставление свободы и необходимости, в котором свобода обычно мыслится как способность сопротивляться. Свобода здесь не сопротивление, а форма принятия — и это уже значительное приобретение.

Но это уже определённое отношение к миру. Признание необходимости — позиция, занятая субъектом; готовый ход, в котором отношение к миру выбрано, пусть выбрано в пользу принятия. Возможна эта позиция только при наличии расстояния между собой и миром: чтобы признать необходимость, нужно сначала её различить, отделить от себя как нечто, относительно чего возможны разные позиции. Зазор — условие самой возможности отнестись. Но осознанная необходимость уже отнеслась; она определила субъекта в одной из доступных позиций.

В формуле есть активный момент: субъект признаёт. Это активность зазора — только то существо, у которого есть расстояние с собственным положением, может встать в позицию признания относительно него. Само признание поэтому уже разворачивается на дистанции; необходимость не давит на субъекта со всех сторон, потому что субъект отделён от неё хотя бы тем, что относится к ней. И всё же активность признания сворачивает один из участков зазора: занявший позицию относительно необходимости определил себя в ней — выбрал род отношения, и зазор в этой части закрыт. Структура расстояния продолжается; но конкретное место в ней закрыто принятой позицией.

Зазор — структура, в которой такая позиция может возникнуть, но сам зазор позиции не имеет. В нём ничего не утверждено относительно мира; удержано только расстояние, в котором утверждение возможно. Поэтому осознанная необходимость — состояние внутри зазора, а не сам зазор. Имя философа здесь может появиться короткой меткой кристаллизации; опорой аргумента — нет. Логика держится на различении между структурой расстояния и одной из позиций, занимаемых внутри него.

Бытие-в-возможности — ближайший сосед зазора, и здесь различие требует наибольшей точности. Оба понятия работают с субъектом, не закрытым определённой: бытие-в-возможности удерживает субъекта в виду нереализованного, в радиусе того, чем он может быть; зазор удерживает субъекта в радиусе самого расстояния, в котором эта возможность вообще имеет место. Различия не в предмете — он один, незакрытый субъект, — а в акценте.

Бытие-в-возможности смотрит вперёд. Его внимание — на запас потенциальных реализаций, на открытое множество того, чем субъект может стать. Это феноменология ещё-не-наступившего, удерживающая субъекта в напряжении к будущему. У такой феноменологии — собственный режим: феномен ожидания, феномен непринятого решения, феномен открытой биографии разворачиваются в нём с собственной точностью. Возможность здесь — не абстрактная схема, а живое присутствие нереализованного как того, к чему субъект уже идёт. Бытие-в-возможности — это субъект, втянутый в собственное «ещё-не».

Зазор смотрит не вперёд, а в сторону — на саму структуру отношения с миром, в которой возможность вообще возможна. Его внимание — на расстояние, не на разнообразие реализаций; на форму, удерживающую субъекта вне закрытой определённости, а не на содержание того, что в этой форме помещается.

Это не противопоставление: имена соседствуют, и оба нужны. Различие в том, что бытие-в-возможности предполагает расстояние, не называя его, и тем самым оставляет неименованным условие, при котором акцент на возможности вообще имеет смысл. Зазор — попытка назвать само это условие. Поэтому бытие-в-возможности и зазор не альтернативны: одно говорит о том, что разворачивается в зазоре; другое — о самом зазоре. И эта разница в акценте оказывается решающей, как только речь заходит о структурном статусе свободы.

Каждое из трёх имён работает — каждое в своей задаче. Самоопределение реально как процесс субъекта, идущий внутри него. Осознанная необходимость реальна как состояние субъекта в его отношении к миру. Бытие-в-возможности реально как горизонт субъекта, обращённый к ещё-не-наступившему. Все три — собственные феномены в собственном праве, со своими традициями работы и своей продуктивностью.

Но все три называют то, что разворачивается в зазоре, или относится к нему, или граничит с ним. Ни одно не называет сам зазор. Свобода как структура — расстояние между субъектом и миром — остаётся в этих именах неназванной. Самоопределение работает на стороне субъекта; осознанная необходимость занимает позицию относительно мира; бытие-в-возможности обращено к ещё-не-наступившему. Само расстояние — то, в чём всё это становится возможным, — остаётся точкой, к которой соседние имена подступают, но в которой не оказываются. Точкой соседства, а не точкой совпадения.

Стоит уточнить, в каком именно смысле говорится о «соседстве». Самоопределение — соседнее не пространственно, а функционально: оно занимает функцию, которую можно ошибочно отдать свободе целиком. Осознанная необходимость — соседнее по уровню: обе формулы говорят о структурном отношении субъекта к миру, и вторую можно принять за описание первой. Бытие-в-возможности — соседнее по близости: его предмет почти совпадает с предметом свободы, и различие требует точного разведения акцентов. Соседство — не одно, а трёхвидовое; и каждый из трёх видов имеет собственную угрозу для зазора.

На этом уровне работа отрицательная: показано, чего соседние имена не делают. Зазор стоит сам по себе, но не оправдан. Объяснение того, почему именно зазор, а не одно из соседних имён, должен быть взят как несущий образ свободы, — задача другого уровня. Первая глава вся целиком ещё не выходит за пределы одного свойства; и аргумент об основании выбора должен быть найден внутри этой границы.

1.3. Почему выбрана феноменология зазора

Если три соседних имени работают в своих задачах и не могут быть упрекнуты в недостатке — самоопределение работает в задаче внутренней жизни субъекта, осознанная необходимость работает в задаче отношения к данности, бытие-в-возможности работает в задаче открытого будущего, — встаёт закономерный вопрос: почему не выбрать одно из них? Почему именно зазор, имя редкое, не имеющее за собой большой философской родословной, должен быть предпочтён? Вопрос настойчив именно потому, что соседние имена сильнее по узнаваемости, и любое их отвержение требует основания.

У соседних имён есть преимущество, которое стоит признать: каждое встроено в большую философскую линию, у каждого — своя дискуссия, свой словарь, свой круг применений. Зазор такой родословной не имеет. Это редкое имя, технический образ, поднятый из обыденного русского языка и переоснащённый под феноменологическую задачу. На стороне соседних имён — узнаваемость и традиция; на стороне зазора — функция в формуле. Аргумент в пользу зазора может быть поэтому только функциональным: если бы дело было в узнаваемости, образ был бы взят у одного из соседей; но дело — в формуле, и взят тот образ, который в формуле работает.

Ответ — не в том, что зазор лучше. Каждое из трёх соседних имён работает в собственной задаче, и оценочное сравнение здесь неуместно: оно возвращает разговор о свободе в плоскость предпочтений, из которой эта глава пытается вывести его в плоскость структуры. Ответ в другом. Зазор — единственный из четырёх образов, который работает в задаче этой книги. Задача книги — показать структурную несовместимость трёх свойств субъекта, и для этого нужно, чтобы три свойства стояли как три модуса отношения к внешнему. Ровно один из соседних образов даёт первый модус — расстояние; ни один из остальных трёх не даёт.

Полнота формулы, частью которой является свобода, в этой главе не предъявляется: для её предъявления нужны два других свойства и структурная рамка, в которой все три соотносятся. Но первая её часть — та, где стоит свобода как одно из свойств, — формулируется уже сейчас, и одного аргумента об условии достаточно, чтобы показать, почему именно зазор должен быть взят как несущий образ. Аргумент об условии — не аргумент о превосходстве, а аргумент о месте: зазор стоит в одном из углов, и без него углов нет.

Чтобы это место увидеть, нужно ввести соседние свойства — силу и независимость — в их структурном статусе. Сила в книге рассматривается как контакт субъекта с миром: способность производить изменения, требующая точки опоры и сцепления с реальностью. Независимость — как замкнутость субъекта на себя: существование из собственных оснований, отсутствие нужды в другом. Это не определения, а указания на образы, удерживающие соседние свойства. Здесь они нужны лишь как точки в структуре.

Точек этих три, и они должны стоять как три модуса отношения субъекта к внешнему. Один — как расстояние. Другой — как сцепление. Третий — как замыкание. Расстояние, сцепление, замыкание — три структурно разных способа быть отнесённым к внешнему миру; и триада свойств складывается ровно в этой триаде модусов. Без какого-либо из трёх триада не собирается.

Что значит здесь «модус отношения к внешнему» — стоит уточнить отдельно, потому что слово удерживает на себе многое. Модус — это не описание содержания самого отношения, а описание формы, в которой субъект относится к миру. К одному и тому же миру субъект может относиться по-разному, и в этом разнообразии работает множество философских понятий; модус — другое. Это не «как именно субъект относится», а «каким способом отношение вообще устроено». Расстояние, сцепление, замыкание — три такие формы; они не альтернативные содержания одного отношения, а структурно разные способы стоять в отношении к миру.

Если первый модус — расстояние — не имеет образа, две оставшиеся точки — сцепление и замыкание — стоят в воздухе. Они описывают что-то, но непонятно, как именно это что-то относится к третьему. Введение зазора закрывает первый угол и тем самым позволяет увидеть остальные два как точки одной структуры, а не как разрозненные характеристики субъекта. Без зазора нет первого модуса; без первого модуса нет триады; без триады свойств — нет той работы, ради которой свобода вообще берётся как структурное понятие.

Соседние имена не дают модуса отношения к внешнему. Самоопределение — внутренняя работа субъекта, его движение к собственным основаниям; модуса отношения к внешнему здесь нет. Осознанная необходимость — состояние, занятая позиция; в ней есть отношение к внешнему, но не модус, а готовая позиция в этом модусе. Бытие-в-возможности — горизонт, обращённый к ещё-не-наступившему; оно разворачивается в зазоре, но описывает не сам зазор, а то, что в нём имеет место. Из этих трёх имён триада свойств не строится: они разноразличные, и ни одно не стоит как первый угол.

Зазор — единственный образ, который встаёт на этот угол. Он именно расстояние, не процесс, не позиция, не горизонт. И его структурный статус — статус одного из трёх модусов — закрепляет за ним место, которое не может занять никакой другой образ свободы. Несущий образ выбран не за свою красоту и не за свою новизну, а за свою функцию: на этой точке должна стоять структура расстояния, и только зазор её даёт.

Из этого следует методологическое уточнение, которое стоит зафиксировать прямо. Выбор зазора как несущего образа свободы — не утверждение, что другие имена слабее или менее точны. Каждое из них работает в своей задаче, со своей продуктивностью, со своим радиусом. Их позиции не оспариваются.

Различение между конструктивным и оценочным выбором защищает работу главы от двух искажений. Первое — сползание в полемический регистр: «зазор лучше, чем самоопределение, потому что вот; зазор лучше, чем осознанная необходимость, потому что вот». Полемика мешает увидеть, что соседние имена и зазор работают на разных уровнях, и сравнение между ними по силе попросту не имеет места. Второе — обратное искажение: страх перед полемикой может заставить уравнивать зазор с тремя соседними именами, представив их как разные точки зрения на одно. Это тоже неверно: зазор и соседние имена не альтернативны; зазор стоит на структурной точке, которой соседние имена не занимают. Конструктивный выбор удерживает обе линии: и не объявляет соседние имена слабыми, и не растворяет зазор в перечне равноправных предложений.

Зазор работает в другой задаче — задаче, в которой нужен образ свободы, дающий модус отношения к внешнему. Эту функцию зазор выполняет; соседние имена её не выполняют. Поэтому выбор зазора — конструктивный, а не оценочный: образ берётся не потому, что он точнее в общем смысле, а потому, что он работает в формуле, в которой стоит. Зазор не проти-

вопоставлен соседним именам; он стоит на собственном месте, выполняет собственную работу и не претендует на работу, которую делают другие имена. Структура свойств требует именно его — и в этом его обязательность.

1.4. Жизнь в зазоре: открытость и нерешённость

Жизнь в зазоре — жизнь в условии, при котором ни один из горизонтов субъекта не закрыт окончательной определённой. Открытость здесь — не настроение и не вдохновение, не лёгкая бодрость и не стремление вперёд. Это форма существования; точнее — структурное условие, при котором существование вообще разворачивается как открытое. Без открытости в этом смысле нет того расстояния, в котором субъект может действовать, выбирать, относиться, не оказываясь сразу замкнутым однозначной формой.

Открытость не противоречит активности. Распространённое смешение: открытым представляется тот, кто пассивен, не выбрал, ни во что не вовлечён. Между тем активный субъект — действующий, выбирающий, держащий позицию — вполне может оставаться в зазоре, если ни одно из его действий, выборов и позиций не закрывает зазор как структуру. Открытость противоречит не активности, а закрытию: тому ходу, после которого расстояние между субъектом и миром в данной точке исчезает, и субъект оказывается определённым в этой точке как нечто конкретное.

Это даёт открытости двойной характер. С одной стороны — структурная пустота в точке отношения с миром, удерживающая возможность; с другой — полная наполненность субъекта во всём, что у него есть. Открытость не означает, что в субъекте ничего нет; означает, что то, что в нём есть, не сложилось в окончательную фигуру и не имеет окончательного места. И это «не сложилось» работает не как временный признак, который ждёт своего разрешения, а как форма, в которой субъект и его наполнение могут вообще быть. Открытым существом субъект становится не тем, что освобождает себя от содержания, а тем, что удерживает своё содержание в форме, не претендующей на собранную фигуру.

Поэтому жизнь в открытости — не жизнь без действий и не жизнь без определённости. Это жизнь, в которой действия и определённости не закрывают собой всё пространство зазора, оставляя его как структуру, в которой возможны новые действия и новые определённости. Открытость — не пустота, ожидающая наполнения, а форма, удерживающая возможность того, что наполнение не будет окончательным.

Нерешённость в зазоре — не мучение и не неспособность выбрать. Слово легко смещается в психологический регистр: нерешённость в обыденной речи — состояние того, кто долго колеблется, не может встать на одну сторону, изводит себя сравнением вариантов. Но это нерешительность, а не нерешённость в структурном смысле. Нерешительность — слабость или мука выбирающего; нерешённость в зазоре — другое.

Нерешённость как структурное состояние — это положение дел, в котором закрывающее решение пока не принято. Не «не может быть принято», не «трудно принимается», не «откладывается из страха», а именно «пока не принято». Оно может быть принято в следующий момент, и зазор в этой точке закроется; может не быть принято никогда, и зазор останется открытым. И в том, и в другом случае нерешённость работает как структура, а не как болезнь субъекта. Она характеризует положение зазора, не положение психики.

Свести нерешённость к нерешительности значит вернуть зазор в психологию — а это ровно то, чего феноменология зазора пытается избежать. В зазоре нерешённость — условие, при котором действие, выбор, позиция вообще остаются возможны; не дефект, не задержка, не препятствие. Если бы всё было решено, не было бы зазора; если зазор есть, что-то ещё не решено. Это структурное соответствие, а не описание мучительного состояния.

Жизнь в зазоре — жизнь субъекта, определённого частично. Свойства, способности, склонности, история — всё это в нём есть; но всё это не складывается в закрытую форму, в окончательно собранную фигуру. Неполная определённость — структурная характеристика, важная отличием от двух соседних понятий, с которыми её часто путают.

Первое смешение — с пустотой. Пустота — состояние, в котором определённостей нет. У субъекта в пустоте нет свойств, способностей, склонностей; есть только готовность к их появлению. Зазор не таков. В зазоре есть всё то, что у субъекта есть: его свойства реальны, его способности реальны, его история реальна. Не закрыто только одно — это всё в нём не складывается окончательно. Зазор — не отсутствие определённостей, а отсутствие их завершённой собранности.

Второе смешение — с нехваткой. Нехватка — состояние, в котором чего-то не хватает до полноты, и это отсутствующее ощущается как минус. Нечто должно было бы быть, но его нет; и его отсутствие — дефект. Зазор не таков. В нём не предполагается полноты, относительно которой можно было бы недосчитаться: полнота не есть мера зазора. Неполная определённость — не дефект, а способ существовать; не утрата, а устройство.

Это различие существенно для того, чтобы не сместить весь разговор в пессимистический регистр. Если неполная определённость прочитана как нехватка, свобода как зазор оказывается формой ущербности — будто субъект свободен только потому, что чего-то в нём не хватило; полнота определённости становится идеалом, а зазор — состоянием, которого хочется избежать. Если неполная определённость прочитана как пустота, зазор оказывается отсутствием субъекта — будто свобода требует, чтобы субъекта в его свойствах не было; и зазор становится состоянием, к которому невозможно прийти. Оба прочтения сбивают феноменологию: первое делает зазор минусом, второе — отсутствием. Между тем зазор — структура положительная по существу: то, в чём субъект есть как открытый, не то, чего ему не хватает или из чего он вышел.

Зазор не разрешается выбором, не закрывается решением, не отменяется действием. Это решающее свойство, и его легко пропустить, если думать о свободе как о моменте перед выбором, расходящемся в самом выборе. В зазоре выбор не закрывает структуру. Он закрывает один из её участков — тот, к которому относится, — и оставляет остальные открытыми. Решение работает так же: оно определяет одну позицию и не отменяет зазора как формы, в которой эта позиция возможна. Действие работает так же: оно сцепляется с миром в одной точке и не отменяет зазора в других.

Закрытие зазора как структуры — событие другого рода. Оно требует не одного решения и не одного действия, а изменения самой формы отношения субъекта к миру: перехода от расстояния к иной структуре. Сцепление субъекта с миром и его замыкание на себе — иные структуры; каждая работает на собственных основаниях и каждая закрывает зазор по-своему. Зазор сам по себе не является ни одной из этих структур — он то, что иные структуры собой замещают, когда наступают.

Пока субъект стоит в зазоре, он стоит в форме, которая длится, а не разрешается.

Свобода в этом смысле — не момент перед выбором и не способность сделать иначе. Свобода — длительность зазора; форма, в которой субъект стоит, не закрываясь окончательной определённостью. Жить в свободе значит длить эту форму — не закрывать её ни решением, ни действием, ни принятой позицией; оставлять расстояние, удерживая в нём свойства и способности, не давая им собраться в готовую фигуру.

Зазор как структурное расстояние оказывается теперь способом длиться. Расстояние не статично; это форма, длящаяся во времени, форма существования. Феноменология свободы — феноменология этой длительности: не открытости как настроения, не выбора как момента, а формы, в которой субъект остаётся открытым, пока остаётся собой.

Зазор удерживается; и пока он удерживается, субъект свободен.

Глава 2. Сила как контакт

Когда говорят «сила», обыкновенно имеют в виду одно из трёх — и редко то самое. Имеют в виду внутреннее усилие, через которое существо удерживается в существовании; имеют в виду метафизическое влечение, направленное к усилению себя; имеют в виду способ воздействия, попадающий или не попадающий под этическое разрешение. Каждое из этих имён работает в своей задаче. Каждое называет нечто реальное. Но ни одно из них не называет силы как структурного отношения — того места, через которое субъект вообще способен производить изменения в мире.

Сила в этом смысле живёт в контакте. Не в субъекте — между субъектом и миром, в точке, где они соприкасаются и через которую возможно изменение. Без такой точки внутреннее усилие остаётся внутренним; влечение остаётся влечением; этическое различие получает в качестве материала пустоту. Сцепление с реальностью не есть периферия силы, не есть её среда или условие реализации — оно есть её структура. Снять контакт значит снять не интенсивность силы, а саму её возможность.

Из этого следует то, что в обыденной речи звучит почти парадоксально, а в феноменологическом плане — точно. Сила не принадлежит субъекту как его собственность. Она не накапливается в нём как запас, не хранится в нём между приложениями, не существует в нём как наличный потенциал. Она возникает там, где субъект и мир соединены через определённое место, и существует ровно столько, сколько это место удерживается. То, что обыкновенно называют силой субъекта, — характеристика возможности контакта, не сама сила. Сила в строгом смысле — то, что происходит в самой точке.

Образ, через который эта структура становится видна, — рычаг. Не как инструмент, который субъект берёт в руку, а как форма самого приложения: точка, через которую субъект приложен к миру и через которую малое усилие в нужном месте оборачивается изменением. Сила, понятая как контакт, есть жизнь через эту точку.

2.1. Сила как контакт: первое определение

Сила — способность производить изменения, требующая точки сцепления с миром. Без контакта силы нет. Точка, в которой субъект и мир соприкасаются, и через которую возможно изменение, — первичный образ силы. Сила здесь не качество субъекта и не его доблесть; это форма, в которой производство изменений вообще становится возможным.

Формулировка «требующая точки сцепления» легко смещается в две сторонних трактовки. Первая — что сила рождается изнутри субъекта и изливается из него вовне, как вода из источника. Вторая — что сила есть накопленный импульс, способный некоторое время сохранять движение и без точки опоры. Обе трактовки знакомы, обе работают в каких-то языках о силе, и обе уводят от силы как контакта. Сила, понятая как контакт, не есть ни внутренний источник, ни запас. Она возникает только там, где субъект приложен к миру через определённое место. Без точки приложения внутреннее усилие может быть; внутреннее напряжение может быть; готовность к действию может быть. Изменения в мире — нет.

Это не значит, что внутреннего нет вовсе. Внутреннее есть, и оно может быть условием контакта: способность к усилию, удерживаемое внимание, накопленный навык. Но всё перечисленное в одиночку не есть сила в том смысле, в каком о ней говорит эта книга. Сила здесь — структура встречи, а не запас, который можно сохранять. Запас может стать силой только в момент сцепления; до этого момента запас остаётся возможностью, а не действительностью.

В пользу этого различения говорит и простое наблюдение из феноменологии действия. Опыт силы как действительности возникает не в момент её собственного нарастания внутри

субъекта, а в момент встречи: когда есть точка приложения, и в этой точке субъект и мир оказываются сцеплены. До этого момента есть готовность, есть желание, есть план; после момента — есть результат, остающийся в мире. Сама же сила — в самой точке встречи, в её длящемся напряжении, и нигде больше. Её невозможно вынести из этой точки в чистом виде, перенести в другое место и применить там; в другом месте она будет другая, потому что точка — другая. Сила всякий раз новая, потому что всякий раз — иная встреча.

Из той же тонкости вытекает ещё одно уточнение, без которого образ контакта неудержим. Контакт — не способность субъекта и не один из его атрибутов. Это отношение между субъектом и миром. Сила в этом смысле — не «у субъекта есть сила», а «субъект существует в сцеплении». Способности и качества возможны в контакте, проявляются через контакт, формируются контактом — но они не суть его. Описывать силу как набор атрибутов значит уже выйти за пределы её структуры; значит вернуться к языку, в котором сила есть нечто, чем субъект обладает, а не способ, которым он сцеплен с миром.

Граница между двумя описаниями проходит точно там, где ставится вопрос о существовании силы в отсутствие сцепления. В языке атрибутов сила существует и без приложения: она в субъекте, как качество, как накопление, как возможность. В языке структуры сила в отсутствие сцепления не существует — её просто нет. Есть субъект, способный к контакту; есть мир, доступный для сцепления; но сама сила появляется только в точке их соединения и исчезает вместе с ней. Этим различием вводится не моральная и не эмпирическая характеристика силы, а её онтологический статус: сила — событийна, а не субстанциальна.

Различие здесь не словесное. Языку обладания соответствует одна феноменология — сила как ресурс, имеющий объём, поддающийся подсчёту и сравнению, существующий как таковой и до, и после её приложения. Языку структуры соответствует другая — сила как место, в котором что-то происходит между двумя сторонами, не существующее вне этого места и исчезающее одновременно с ним. Два языка не складываются в один; они описывают разные предметы. Книга работает во втором языке; первый принадлежит соседним описаниям и в собственный аппарат не входит.

Из этого следует и характер самой феноменологии. Феноменология контакта — не психология сильного человека, не социология действия, не история институтов, концентрирующих способность к изменениям. Это описание формы, через которую субъект вообще соприкасается с миром и изменяет его. Психологический и социальный планы возможны как продолжения, как разработки в смежных дисциплинах; но сами они не дают доступа к структуре, потому что работают на уровне готовых субъектов и готовых отношений. Структура — то, что предшествует и тому, и другому.

Сила, понятая как контакт, обнаруживается в простой невозможности обратного. Невозможно произвести изменение в мире, ни в одной его точке не соприкасаясь с ним. Невозможно сдвинуть внешнее, оставаясь полностью внутри себя. Невозможно действовать, не имея точки, через которую действие приложено. Эти невозможности не эмпирические — их не опровергает ни один частный случай, в котором кажется, что изменение произошло без сцепления; такой случай при ближайшем рассмотрении обнаруживает сцепление, не замеченное наблюдателем. Эти невозможности структурные: они есть форма самого понятия силы, как только она отличена от силы в смысле внутреннего источника или метафизического влечения.

2.2. Соседние определения и их предмет

Образ контакта стоит. Но рядом с ним — три именованные кристаллизации, каждая из которых в обыденной речи готова занять его место, и каждая работает в своей задаче слишком хорошо, чтобы её можно было просто отодвинуть. *Conatus*. Воля к власти. Различение силы и насилия. Три имени, и за каждым — традиция, которая называет нечто реальное; ни одно из

этих имён не ошибочно само по себе. Но ни одно из них не называет контакт. Каждое говорит о соседнем — о том, что располагается внутри субъекта, в его метафизическом основании или в этической оценке его действия, — а не о точке между субъектом и миром, через которую вообще возможно изменение.

Conatus — внутренний принцип, через который существо стремится сохранять себя в существовании. Это поименованная кристаллизация: позиция, нашедшая себе короткое имя в одной из философских традиций и закрепившаяся в нём. Принцип реален; он работает в своей задаче — описать тот факт, что всякое существо, поскольку оно существует, удерживает себя в этом существовании, противится его прекращению, длится по своей природе. Но *conatus* называет не контакт. Он расположен прежде всякой встречи, как то, что в субъекте уже есть до того, как субъект приложен к миру через какую бы то ни было точку. *Conatus* возможен и без производства изменений вовне: существо может удерживать себя в существовании, никак не сцепляясь с миром деятельно. Контакт без изменений невозможен, и в этом первое разделение. Внутренний принцип самосохранения — не структура встречи, а её предпосылка, и совмещать их в одном понятии значит терять оба.

Различие здесь чувствуется по направлению. *Conatus* направлен вовнутрь, к удержанию того, что уже есть; контакт направлен наружу, к точке, где совершается изменение. Это не означает противоположности — *conatus* и контакт могут сосуществовать в одном существовании, и часто сосуществуют, — но они разнонаправленны. Внутреннее удержание не делает существо сильным в смысле этой книги; оно делает его дрящимся. Сила — другое: способ присутствия, при котором дрящееся существо сцеплено с миром через определённое место. Различение тонкое, но в нём вся работа главы: имя удержания и имя приложения — разные имена, и смешивать их значит терять и одно, и другое.

Воля к власти — формула метафизического влечения, охватывающая существование как стремление к усилению себя. Она называет нечто широкое и нечто доонтологическое: не способ воздействия, а влечение, лежащее в основании; не точку, через которую субъект приложен к миру, а направленность всего существования к нарастанию. Контакт, в отличие от этого, есть место, а не влечение; структура встречи, а не вектор основания. Воля к власти может быть условием контакта — может стоять за тем, почему субъект ищет точку приложения и удерживает её, — но не есть он сам. И обратное равно важно: контакт может быть и без декларируемой воли. Там, где субъект сцеплен с миром через сцепление, контакт есть, какой бы метафизический термин ни описывал его подоснову — или какой бы ни не описывал. Контакт работает на другом уровне: на уровне самой структуры встречи, и не зависит от того, как названо стоящее за ней основание.

Различение силы и насилия — необходимое уточнение, особенно там, где сила соприкасается с другим субъектом. Оно различает правомерное и неправомерное приложение силы, форму и формулу её применения, последствия для того, к кому она приложена, и для того, кто её прилагает. Это различение реально, и в этических, политических, правовых обсуждениях оно несёт серьёзную нагрузку. Но оно работает внутри уже состоявшейся силы; оно говорит о её правомерности, не о её структуре. Сама сила как контакт остаётся за рамкой различения. Сила есть и в разрешённом приложении, и в недопустимом; и там и там она остаётся силой как структура — точкой, через которую субъект приложен к миру и через которую возможно изменение. Различение определяет этический статус того, что произошло в этой точке; сама же точка — её существование, её форма, её феноменологию — различение не вводит и не отменяет. Сползание в политический регистр здесь — отвлечение от первичного образа: вместо вопроса «что есть сила как структура» возникает вопрос «какая сила правомерна», и второй вопрос, при всей его серьёзности, — другой вопрос.

Это нужно сказать ясно, чтобы не оставлять двусмысленности. Насилие, описанное в этическом регистре как недопустимое приложение силы, феноменологически остаётся силой:

оно происходит в точке контакта между субъектом и миром, оно производит изменение, оно длится, пока удерживается точка приложения. Структура у него та же; иной — этический статус. И в обратную сторону: сила, описанная в этическом регистре как разрешённая, феноменологически устроена так же. Этическое различие действует поверх структуры, не вместо неё. Если рассуждение о силе подменить рассуждением о её правомерности, разговор о структуре оборвётся прежде, чем дойдёт до собственного предмета. Эта подмена особенно соблазнительна, потому что этическое различие острое и важное; но именно острота этического вопроса перетягивает регистр, и за ней теряется первичный — структурный — план.

Три соседних имени и три расположения. *Conatus* — внутри субъекта. Воля к власти — в его основании, в той метафизической глубине, из которой происходит и сам субъект, и его направленность. Различение силы и насилия — внутри уже состоявшейся силы, как этическое уточнение её формы. Внутреннее, основание, оценка — три плана, каждый из которых реально занят, каждый из которых описан, и каждый из которых имеет свой словарь. Но между ними — место, которое ни одним из этих имён не названо: точка между субъектом и миром, через которую сила вообще возможна. Ни *conatus*, ни воля к власти, ни различение силы и насилия эту точку не описывают. Они называют то, что внутри, то, что под, то, что после; но не то, что между.

И именно это место остаётся неназванным до тех пор, пока вводится феноменология контакта. Каждое из трёх имён работает в своей задаче — и в ней должно быть оставлено. *Conatus* реально как внутренний принцип существования; воля к власти — как метафизическая формула; различение силы и насилия — как этическое уточнение. Но в этой книге ни одно из них не может быть взято как опора аргумента, потому что ни одно из них не называет ту структуру, через которую сила вообще есть. Имя может появиться короткой меткой; опорой — нет. Опорой здесь является один-единственный образ — контакт, точка сцепления, через которую субъект и мир соприкасаются и через которую возможно изменение. Только этот образ работает в задаче, ради которой он и вводится: показать силу как один из трёх модусов отношения к внешнему, рядом со свободой как зазором и независимостью как замкнутостью.

2.3. Почему выбрана феноменология контакта

Если *conatus*, воля к власти и различение силы и насилия предъявлены как соседние, и каждое работает в своей задаче, возникает закономерный вопрос. Почему не один из них? У каждого — традиция, у каждого — кристаллизованное имя, у каждого — аппарат, накопленный поколениями работы. Контакт по сравнению с этими тремя именами выглядит как ходовое слово, не имеющее за собой такой плотной истории. И всё же выбор сделан в его пользу. Этот выбор требует основания, и основание здесь — не риторическое, не эстетическое и не дань предпочтению автора. Оно структурно: связано с тем, в какой формуле в этой книге стоит сила.

Ответ — не «потому что контакт лучше». Контакт не лучше воли к власти и не точнее *conatus* — каждый из этих образов точен в своём предмете. Ответ — «потому что только контакт работает в той формуле, частью которой здесь является сила». Эта формула становится видна полностью лишь там, где предъявлены все три её части и показана их структурная несовместимость. Вторая часть формулы — сила как один из трёх модусов отношения к внешнему. И именно потому, что речь идёт о модусах отношения к внешнему, выбор образа определяется не самой силой как изолированным предметом, а её положением среди других двух.

В этой книге сила стоит не одна. Она стоит рядом со свободой и независимостью, и каждая из трёх вводится как способ, которым субъект относится к миру. Свобода введена как зазор — расстояние между субъектом и миром, в котором живёт открытость возможностям. Независимость будет введена как замкнутость — существование из собственных оснований, отсутствие нужды в другом. Чтобы три свойства образовали структурную единицу — три модуса

одного и того же отношения, — нужно, чтобы каждое из них стояло как форма этого отношения. Расстояние, сцепление, замыкание. Зазор, контакт, замкнутость. Три способа того, как субъект соотносится с внешним: не быть привязанным к нему, быть приложенным к нему, не нуждаться в нём. Только при таком устройстве трёх свойств между ними образуется отношение — структурное, а не эмпирическое.

И становится видно, чего ни один из соседних образов дать не может. *Conatus* — внутренний принцип, расположенный до отношения к внешнему: он работает в субъекте независимо от того, как тот соотнесён с миром. Воля к власти — метафизическое влечение, расположенное под отношением: она называет основание, из которого происходит само наличие субъекта, но не способ, которым он стоит к миру. Различение силы и насилия — этическое уточнение, расположенное поверх отношения: оно говорит о форме приложения, когда отношение уже состоялось. Внутри, под, поверх — но не на самом уровне отношения к внешнему. И именно этот уровень нужен здесь, потому что только на нём три свойства — свобода, сила, независимость — образуют сопоставимые формы. Если поставить вместо контакта *conatus*, второй модус выпадет: останутся зазор и замкнутость как способы отношения к внешнему и *conatus* как принцип внутри субъекта. Три угла не сложатся, потому что один из них окажется на другом уровне.

Аналогичная асимметрия возникнет и при подстановке любого из двух других имён. Воля к власти, поставленная вторым углом, переведёт всю формулу на уровень метафизических оснований — и тогда в сопоставимый ряд должны были бы войти не зазор и не замкнутость, а основания, лежащие за свободой и независимостью соответственно; но эти основания в книге не предмет, и переход на их уровень разрушит сам предмет работы. Различение силы и насилия, поставленное вторым углом, потребовало бы рядом с собой этической квалификации зазора и замкнутости — и тогда обсуждалось бы не устройство свойств, а правомерность их форм. Каждый из соседних образов задаёт собственный план рассуждения; ни один из этих планов не есть план модусов отношения к внешнему. Этот план занят только контактом, и поэтому только контакт работает в формуле, ради которой и вводится.

Из этого следует методологический статус выбора, и его важно назвать прямо. Контакт выбран как несущий образ силы не потому, что он сильнее как образ или ближе автору как формулировка. Он выбран потому, что является условием самой возможности предъявления силы рядом со свободой и независимостью. Это конструктивное условие, а не оценочное предпочтение. *Conatus*, воля к власти, различение силы и насилия не становятся ни хуже, ни слабее от того, что в этой книге они оставлены в собственных задачах. Они работают там, где работают, и каждое из них точно. Просто ни одно из них не отвечает той задаче, которую ставит эта книга, — показать структурную несовместимость трёх свойств. Эта задача требует образа силы, расположенного на уровне отношения к внешнему. Контакт — единственный такой образ.

Сказать так значит закрепить ещё одно: выбор не есть утверждение единственности контакта вообще. Это утверждение единственности контакта в этой формуле. В других задачах, на других уровнях, в других теоретических предприятиях сила может быть осмыслена через любое из соседних имён, и это не будет ошибкой. Здесь она осмыслена через контакт — потому что только так становится видно, как именно она устроена в трилемме, частью которой является. Аргумент об условии — не аргумент об истине: он не говорит «контакт есть истина силы», он говорит «контакт есть тот образ, который работает в этой структуре». Различие тонкое; смешение его с оценочным утверждением делает выбор риторическим, и тогда он теряет силу как аргумент.

То же самое в обратной форме: если сила в этой книге была бы введена через любое из соседних имён, формула трёх модусов не сложилась бы. Без контакта нет второго угла; без второго угла — нет трёх; без трёх — нет трилеммы. Это не означает, что трилемма самоценна и ради неё подгоняется образ силы; это означает, что то самое устройство субъекта, которое

предъявляет здесь книга — устройство через три несовместимых способа отношения к внешнему, — может быть предъявлено только при определённом устройстве каждого из его трёх членов. Сила должна стоять как контакт, потому что только так она стоит на одном уровне со свободой как зазором и независимостью как замкнутостью.

2.4. Жизнь в контакте: рычаг и сцепление

Жить в силе значит существовать в постоянном приложении к миру через определённое место. Точка приложения — не случайное место, не последствие действия и не один из его атрибутов; это структурное условие, без которого движения нет вовсе. Субъект, не имеющий точки приложения, не лишён силы как качества — он находится в режиме, в котором сила невозможна. Это различие существенное: между «нет силы» и «нет условия для силы» проходит та же граница, что между отсутствием результата и отсутствием самой структуры, в которой результат мог бы возникнуть. Феноменология силы начинается с признания этого: сила без точки невозможна так же, как зазор невозможен без расстояния. Точка приложения — это место, в котором субъект перестаёт быть только субъектом и становится приложенным, — место, в котором начинается мир, и одновременно место, в котором заканчивается субъект, замкнутый на себе.

Эта точка не пуста. В ней всегда есть второе — то, к чему субъект приложен. Контакт всегда двусторонен, и эта двусторонность — не описательная подробность, а структурная характеристика. В точке приложения субъект приложен к миру, и мир — к субъекту. Сила всегда встречает сопротивление. Сопротивление здесь не помеха движению, а его условие; ничто не движется без трения. Существование в режиме силы — существование под встречным напряжением, и без этого напряжения сила теряет свою точку — а с ней и себя. Колесо, вращающееся без сцепления с поверхностью, не движется вперёд; оно вращается на месте. Тяга, приложенная без точки опоры, не сдвигает мир; она тратится на самое себя. Тяга и трение — не противоположности, а две стороны одного контакта; и существование в силе предполагает обе.

Это меняет интуицию относительно сопротивления, ходовую в обыденном языке. Там сопротивление обыкновенно понимается как то, что мешает силе, что сила должна преодолеть; и чем меньше сопротивления, тем легче дело. Феноменология контакта говорит обратное: сопротивление — то, благодаря чему сила вообще есть. Без сопротивления есть только тяга в пустоту, движение без зацепа, действие без следа. Мир, не оказывающий сопротивления, — мир, в котором действовать нельзя, потому что нечем за него взяться. Сопротивление — это та сторона контакта, которой обладает мир, и без этой стороны контакта нет. Жалоба на сопротивление в феноменологическом плане есть жалоба на условие силы; и эта жалоба, оставаясь возможной как настроение, теряет смысл как описание структуры.

Из этой двусторонности вырастают рабочие развороты несущего образа. Рычаг — образ силы, не сводимой к мускульной мощи: малое усилие в нужной точке производит большое изменение, потому что точка приложения выбрана структурно. В образе рычага сила не зависит от количества усилия — она зависит от того, где приложена. Сцепление — другой разворот того же образа: не разовый акт приложения, а длящееся присутствие точки. Сцепление есть там, где субъект и мир соединены не одноразовой встречей, а удержанием этой встречи во времени. Тяга предполагает сцепление; и одно и другое описывают грани одной и той же структуры, не выходя за пределы образа контакта. Сила в режиме рычага — точная; сила в режиме сцепления — длящаяся. И первое, и второе остаются силой как структурой, не как качеством.

К этим двум разворотам добавляются ещё два — тяга и трение, — каждый из которых называет ту же структуру с другой стороны. Тяга — направленность контакта: точка приложения существует не сама по себе, а в том направлении, в котором она приложена. Без направленности контакта точка остаётся точкой неподвижного соприкосновения, не точкой прило-

жения; тяга и есть то, что превращает соприкосновение в приложение. Трение — обратная сторона тяги: то сопротивление, без которого тяга не передаётся миру и расходуется впустую. Тяга без трения скользит; трение без тяги стоит. Только их соединение есть контакт в действии — место, в котором субъект приложен к миру, и мир, в свою очередь, держит точку, через которую приложение осуществляется. Все четыре разворота — рычаг, сцепление, тяга, трение — не четыре разных образа, а четыре грани одного: точки, через которую проходит контакт, и в которой происходит сила.

Из этого следует, что сила, понятая как контакт, не есть мгновенный акт. Она длится ровно столько, сколько удерживается точка приложения. Когда точка отпущена, сила прекращается — не как способность субъекта, а как структурное состояние. Способность может остаться: субъект может быть готов к новому приложению; навык может быть сохранён; внутренняя готовность может длиться. Но сама сила в смысле этой книги исчезает вместе с точкой, потому что она и есть событие сцепления, не запас, который можно отложить и применить позже. Существовать в силе значит длить контакт; и пока контакт длится, сила есть. Это форма существования, в которой субъект и мир сцеплены через одну выбранную точку — и существование как сила есть удержание этой точки в её работе.

В этом и состоит феноменология жизни в контакте. Не в нарастании внутри, не в накоплении и не в готовности — но в постоянном приложении, во встречном напряжении, в выборе точки и её удержании во времени. Это не героическая структура и не структура победы; это структура присутствия в мире через определённое место. Сила в этом смысле — не то, чем субъект превосходит мир, а то, чем он соединён с ним. И именно потому, что это соединение, а не превосходство, жизнь в контакте есть жизнь в постоянной двусторонности: ничто не движется без трения, и движение всегда есть движение через сопротивление, а не сквозь его отсутствие.

Жить в силе значит жить в постоянном встречном сопротивлении. Сила не есть то, что преодолевает мир, и не то, что добывает у него уступку; это форма соединения, в которой движение возможно через трение, а не вопреки ему. Без сопротивления сила теряет точку приложения; без точки приложения её нет. Эта структура устроена так, что её условие и её ограничение — одно и то же: то, что делает силу возможной, есть и то, что не позволяет ей перестать быть встречей. Сила — всегда встреча, не одностороннее излияние.

Рычаг — не как инструмент, а как способ присутствовать в мире. Это не вещь, которую субъект берёт в руку; это форма, в которой он стоит к миру: приложенным через определённое место, через которое малое сосредоточенное усилие оборачивается изменением. Рычаг как фигура — не образ власти и не образ умения; это образ того, как именно сила устроена, когда её перестают понимать как качество и начинают видеть как структуру. Жить в силе значит жить рычагом — то есть жить через точку, в которой приложен к миру.

Открыт второй угол. Зазор и контакт стоят рядом — два модуса отношения к внешнему, каждый со своей феноменологией, каждый со своей грамматикой существования. Между ними пока нет никакого утверждения; есть только два предъявленных свойства. Третий ещё не назван, и до тех пор, пока он не введён, формула остаётся неполной. Сила как контакт стоит так, как стоит зазор: как структура, через которую субъект существует определённым образом, не как добродетель и не как достижение.

Глава 3. Независимость как замкнутость

Слово «независимость» — из тех, что кажутся ясными, пока их не отделить от того, что их именуют. Автаркия — этический режим, в котором субъект складывает жизнь так, чтобы быть достаточным самому себе. Суверенность — политическая категория, статус, оформленный правом и признанием. Self-reliance — культурная формула американской традиции, в которой замкнутость спаяна с инициативностью и мифом самостоятельного устройства. У каждого из этих имён своё тело, своя история, своя интонация; ни одно из них не называет структуру независимости как таковой. Каждое называет режим, выстроенный на ней.

Что остаётся, когда соседние имена сняты? Замкнутость субъекта на себя — существование из собственных оснований, отсутствие нужды в другом как структурная черта. Не социологический факт, не моральный итог, не достижение — структурное отношение к внешнему. Чтобы трилемма свобода, сила и независимость образовала три угла, третий из них должен быть именно таким: не способом быть в отношении к миру, а способом свернуть это отношение, держать существование изнутри.

Образ, в котором замкнутость становится видимой сразу: круг, граница которого проведена изнутри. Не граница, которой субъект отгорожен от мира извне; граница, которую он держит сам — потому что у него есть, на чём её держать.

3.1. Независимость как замкнутость: первое определение

Независимость — замкнутость субъекта на себя: существование из собственных оснований, отсутствие нужды в другом. Образ задан сразу — круг, граница которого проведена изнутри. Это первичный образ; всё последующее в главе разворачивается из него. Независимость здесь не качество субъекта, не достижение и не моральный итог. Это структура, в которой субъект существует, опираясь на себя.

Эти три негации указывают на регистр, в котором замкнутость должна быть прочитана. Качество — то, что приписано субъекту, признак, отличающий его от других субъектов; замкнутость не признак, а способ существования. Достижение — то, что добыто работой, и то, что субъект может потерять, если перестанет работать; замкнутость — не результат усилия, а структура, в которой само усилие становится возможным или невозможным определённым образом. Моральный итог — место, к которому пришли; замкнутость — форма, изнутри которой субъект может оценивать свою жизнь, но сама не подлежит оценке как «лучше» или «хуже».

Слово «опираясь на себя» требует точности. Оно не значит, что субъект содержит в себе всё, что с ним происходит. Оно не значит, что он закрыт для воздействий или невосприимчив к мировому. Оно значит, что точка опоры его существования — у него самого, а не вовне. Опора здесь не нравственная установка и не выбор «быть в себе»; опора — это то, на чём субъект держится как сущий: место, где находится основание его бытия.

Замкнутость как образ читается сразу — круг. Граница может быть проведена двумя способами: снаружи, как ограждение, и изнутри, как очертание. Снаружи — это когда субъекта отделили: внешний мир провёл линию, за которой субъект оказался обособлен. Изнутри — это когда субъект сам держит свой контур: круг очерчен на собственных основаниях, и его держит то, что внутри. Две границы выглядят похоже только в плоской схеме; структурно они разные. Замкнутость в смысле этой главы — только второе. Граница независимого субъекта проведена изнутри: её удерживает не внешнее ограничение, а собственная плотность субъекта — плотность, которая есть свойство формы, а не свойство содержания.

«Существование из собственных оснований» — формулировка, которую легко прочесть в обыденном смысле и тем самым подменить её одним из соседних понятий — способностью обеспечить себя ресурсами или одиночеством. Эти подмены распространены и сбивают предмет.

Самообеспечение — социальная и материальная характеристика. Способность зарабатывать, кормиться, организовывать быт без посторонней помощи. Это умение, навык, иногда жизненная стратегия. Замкнутый субъект может быть способен к самообеспечению, а может и не быть; для структуры это безразлично. Богатый человек, который ни дня не зарабатывал сам, может быть структурно замкнут; ремесленник, кормящийся своим трудом, может быть структурно открыт. Между умением вести дела и формой существования нет прямой связи; одно не следует из другого.

Одиночество — другая ловушка. Замкнутость легко прочесть как «быть одному», и тогда независимость становится синонимом изолированности или нежелания общения. Замкнутый субъект может быть среди людей, может быть к ним внимателен, может ценить их присутствие. Замкнутость от этого не убывает, потому что внимание к другому — не то же самое, что нужда в другом. Одно — направленность взгляда; другое — структурное условие существования. Структурно нуждающийся субъект, оставшись в одиночестве, теряет основание; структурно замкнутый — нет.

Существование из собственных оснований — это тот строй, при котором субъект не опирается на внешнее как на опору; контакта с миром это не закрывает. Здесь важно одно: основание, по которому субъект есть, не лежит у другого. Если другие исчезают — субъект не теряет того, что делает его собой. Если ресурсы убывают — это касается жизни, а не оснований жизни. Эта структурная нейтральность не равнодушие к миру и не отгороженность от него; это просто иной адрес опоры — не в мире и не в другом, а в самой форме существования субъекта.

Это даёт замкнутости её специфическую устойчивость. Устойчивость здесь не от прочности материала и не от защищённости извне, а от того, что основание не вынесено наружу — и потому не подвержено колебаниям внешнего. Если внешнее меняется, оно меняется; но субъекта это касается там, где касается его жизни, не там, где касается его существования. Замкнутость не делает субъекта неуязвимым к миру; она делает его не зависимым от мира как от условия быть.

Третья подмена — самая частая, и потому её нужно зафиксировать отдельно. Замкнутость не есть социальная изоляция. Эту разницу легко стереть, особенно если читать структурный термин в ближайшем социологическом контексте: замкнутость — значит закрыт от людей, отделён, удалён. Социологическая картинка ложится поверх структурной формулы, и структурная формула при этом исчезает.

Это не случайность языка. Социальный словарь развит и подробен — он описывает близость и удалённость, открытость и закрытость, общение и его отсутствие; структурный словарь беден и часто заимствует у социального его слова. Когда говорят «замкнут», слышится прежде всего «закрыт от других». Когда говорят «независим», слышится прежде всего «справляется один». Эти слышания работают в обыденной речи; в структурном анализе они становятся помехой. Замкнутость, чтобы остаться структурным понятием, должна каждый раз заново отделяться от ближайших к ней социологических смыслов.

Стоик в шумном полисе может быть структурно замкнут. Если его существование держится в самом строе мысли, в характере отношения к телу, в порядке отклика на происходящее, а не в окружающих, не в их признании, не в общественном статусе, — он замкнут, хотя живёт среди других, занят делами, вступает в разговоры. Внешне он не отличим от тех, кто в мире зависим; различие — в том, где находится опорная точка существования. Она у него внутри. Толпа на агоре не делает его менее замкнутым.

И обратное. Затворник в горной пещере может быть структурно открыт. Если его существование держится через постоянную тоску по миру, через ожидание визита странника, через зависимость от воспоминания о покинутом, через нужду в созерцании пустыни как заместителя людского, — основание его существования вынесено вовне. Пещера здесь социологическая декорация; структура зависит от другого. Затворник не замкнут, хотя видится таким, и его одиночество не делает его независимым.

Различие проходит не по социальной видимости, а по тому, где живёт основание. Социальная видимость — поверхность; основание — структура. Описывать замкнутость в категориях изоляции значит сразу же упустить её предмет: спутать форму с её внешним проявлением, иногда совпадающим с ней, иногда ей противоречащим. Сосчитать одиночества и контакты можно — это даёт социологическую картину. Замкнутость на этом уровне не считается. Она читается там, где спрашивают, держится ли существование субъекта изнутри или снаружи; и ответ на этот вопрос не виден из количества встреч.

Этот шаг определяет, чем будет независимость как понятие. Не образом жизни в стороне от людей, не идеалом одинокого существования, не редкой добродетелью и не личностной чертой — а структурным отношением к внешнему, видимым в форме существования, а не в количестве встреч. Замкнутость как круг, проведённый изнутри, не зависит от того, сколько людей стоит за этим кругом и насколько близко.

3.2. Соседние определения и их предмет

Автаркия — слово древнее, греческое. Оно означает достаточность самому себе как способ устройства жизни: способ, при котором субъект сокращает свои нужды до того, что может обеспечить сам, и культивирует в себе устойчивость, не зависящую от внешних обстоятельств. Это этический режим в полном смысле слова: он требует работы, настаивает на дисциплине, имеет свою педагогику и свою практику. Стоики, киники, стоические эпигоны более позднего времени — те, у кого слово получает разработку; у каждого свой акцент, но общая черта одна: автаркия — то, что субъект делает с собой, чтобы стать достаточным.

Эта работа имеет узнаваемый рисунок. Она начинается с пересмотра того, что субъект считает необходимым для себя, и с постепенного отстранения от того, что он мог бы себе позволить. Она требует культивации тех способностей, которые позволяют переносить отсутствие желаемого без ущерба для устойчивости. Она требует привычки: привычки воздержания, привычки внимания к собственному состоянию, привычки не давать обстоятельствам тащить за собой движение мысли. Это длительная работа, и её результат — не точка и не плато, а постоянное удерживание выбранного отношения к нуждам, желаниям, обстоятельствам.

И именно потому она не сама замкнутость, а режим, выстроенный на ней. Чтобы возможно было сокращать нужды, культивировать добродетель, упорядочивать внутреннюю жизнь, нужно, чтобы существовал тот, кто это делает, — субъект, у которого основание для существования уже находится в нём самом, не вынесенное вовне. Без замкнутости автаркия пуста: некому организовывать жизнь так, чтобы быть достаточным себе, потому что нет того «себя», которому можно быть достаточным. Замкнутость — структурное условие, на котором автаркия становится возможной как этическая работа.

Свести независимость к автаркии значит подменить структуру этическим достижением, выстроенным внутри неё. Это две разные вещи: одно — форма, другое — то, что можно делать в этой форме. Автаркия может быть удачной или неудачной, развитой или зачаточной, длительной или прерванной; замкнутость как форма не подлежит этим характеристикам. Имя «автаркия» может появиться в книге короткой меткой известной кристаллизации позиции; опорой аргумента — никогда.

Суверенность работает в иной плоскости. Это политическое понятие: способность субъекта — государства, лица, инстанции — принимать решения на собственных основаниях, не подчиняясь внешней инстанции. У суверенности есть форма, оформленная правом, признанием, силой. Государство суверенно, когда его решения не нуждаются в подтверждении другого государства; лицо суверенно в той мере, в какой его выбор не подчинён внешней воле; инстанция суверенна, когда у её актов есть собственное правовое основание.

И опять: суверенность работает потому, что замкнутость есть; но суверенность — внешняя оформленность замкнутости, а не она сама. Это статус, способ оформить отношения между субъектами так, чтобы их собственные основания уже признавались как опоры. Замкнутость — то, без чего суверенность была бы пуста: некому было бы быть суверенным, если бы у субъекта не было основания, на котором он держится сам.

Различие между структурой и статусом виднее всего в двух обратных случаях. Замкнутость остаётся, даже когда суверенность отнята: государство, потерявшее международное признание, или лицо, ограниченное во внешних правах, может структурно сохранять основание собственного существования — не как политическую возможность действовать, но как форму бытия. И обратное: суверенность может быть номинальной там, где субъект структурно зависим. Государство может иметь все формальные атрибуты независимости — конституцию, армию, право голоса в международных учреждениях — и при этом существовать через постоянную зависимость от внешних сил. Статус есть; структуры нет.

Суверенность — это правовая фикция, выстроенная вокруг предполагаемой замкнутости. Если фикция работает, она опирается на структуру; если структуры нет, фикция остаётся пустой формой. Это не делает право бесполезным — правовые статусы выполняют свою задачу там, где их задача в том, чтобы оформить отношения между уже существующими субъектами. Но как только статус начинает приниматься за саму структуру, картина искажается: внешнее признание независимости подменяет внутреннее основание для неё.

Суверенность — категория, годная для своей задачи: для описания политических отношений и правовых статусов. Для описания формы существования субъекта она не годится. Это другой уровень.

Self-reliance — самое нагруженное из трёх имён. Это формула американской традиции, кристаллизованная у Эмерсона, разработанная в литературе и философии XIX века, перенесённая в массовую культуру и доведённая до состояния национальной мифологии. В *self-reliance* замкнутость складывается с инициативностью, с мифом самостоятельного устройства жизни, с романтикой одинокого деятеля, с моральным обертоном самостоятельности как добродетели.

Это культурно нагруженное имя; оно несёт с собой целый идеологический фон. *Self-reliance* — не нейтральное описание замкнутости, а её конкретная реализация в одной культурной традиции, со своими акцентами и своими умолчаниями. В этой формуле замкнутость соединена с активностью преобразования мира; в других культурных реализациях она могла бы быть соединена с противоположным — с уходом, с неподвижностью, с молчанием. Замкнутость присутствует в *self-reliance* как одна из её структурных черт, но присутствует там в определённом сплаве, и сплав этот культурно специфичен.

Идеологический фон *self-reliance* — это не внешнее украшение слова, а часть его смысла в том культурном контексте, в котором оно сложилось. В этом фоне — миф самостоятельного устроителя жизни, представление об индивидуальном выборе как о свободном акте на пустом пространстве, оптимизм действия. Этот фон не плох и не хорош; он принадлежит своей традиции. Но если перенести его на структуру замкнутости как таковой, получится, что замкнутость по своей форме оптимистична, активна, направлена на внешнее преобразование. Между тем структура нейтральна к этим оттенкам: она равно сочетается и с активностью, и с уходом, и с молчанием.

Перенести имя на структуру значит втащить вместе с ним идеологию, к которой структура не привязана. Тогда замкнутость окажется выглядящей как добродетель, как способ деятельности, как программа жизни — и привязывать её к одной из её культурных оболочек значит скрыть её универсальность за частностью одной традиции. Культурные имена замкнутости полезны в той мере, в какой через них видна структура; они становятся помехой, как только начинают подменять её. Имя — точка входа, не итог.

Если посмотреть на эти три имени вместе, видна общая черта: каждое из них работает, но ни одно не называет замкнутость как первичную структуру. Автаркия реальна как этический режим. Суверенность реальна как политическая категория. *Self-reliance* реальна как культурное имя одной национальной традиции. Все три обозначают существующие явления, и все три могут быть взяты в свою задачу с пользой.

Но задача этой главы — не описать феномены, выстроенные на замкнутости, а зафиксировать саму замкнутость как несущую форму. И с этой точки видения каждое из трёх имён оказывается в одинаковом положении: оно называет режим, или статус, или культурную реализацию, а не структуру. Автаркия — то, что строится на замкнутости как этическая работа. Суверенность — то, во что замкнутость оформляется как политический статус. *Self-reliance* — то, во что замкнутость складывается в одной культурной традиции.

Никакое из них не подходит на роль несущего образа независимости как третьего модуса отношения к внешнему. Если положить в основание автаркию, в фокусе окажется этическая работа над собой, а не форма существования. Если суверенность — статус, оформленный извне. Если *self-reliance* — культурно специфическая реализация. В каждом случае структура подменяется одной из её внешних форм. Замкнутость как форма остаётся неназванной — пока эти три имени удерживаются как опоры. Назвать её можно только тогда, когда они отступают на свои уровни: автаркия — этика, суверенность — политика, *self-reliance* — культура; замкнутость — структура.

3.3. Почему выбрана феноменология замкнутости

Если автаркия, суверенность и *self-reliance* предъявлены как соседние, возникает закономерный вопрос: почему не один из них? У всех трёх своя традиция, своя разработка, своя проверенность временем. Можно было бы взять любое из трёх как несущее имя независимости и построить остальную книгу на этом выборе. Ответ на этот вопрос — не «потому что замкнутость лучше». Как имя замкнутость моложе автаркии, политически менее основательна, чем суверенность, культурно беднее, чем *self-reliance*. Ответ лежит в другом месте.

Замкнутость выбрана потому, что только она работает в формуле, частью которой является независимость. Книга устроена так, что три свойства — свобода, сила, независимость — стоят как три модуса отношения к внешнему. Каждому из трёх нужен образ, который схватывает сам модус отношения, а не его конкретную реализацию в какой-нибудь сфере жизни. Образ должен быть структурным в том же смысле и на том же уровне, что и два других. Иначе три свойства окажутся на разных плоскостях и не образуют одной структуры.

Можно сказать, почему нужна именно замкнутость: потому что есть место среди трёх структурных образов, и только она это место может занять.

Вопрос «почему не автаркия» правомерен лишь до тех пор, пока он спрашивает о замене внутри одной задачи. Автаркия может быть несущей для задачи этической; суверенность — для политической; *self-reliance* — для культурной. Для задачи структурной, на которой стоит эта книга, ни одно из трёх имён не подходит: не потому, что они слабы, а потому, что они принадлежат другим уровням.

Здесь важно отличие двух типов вопросов о выборе. Один тип — внутри одной задачи: какое имя лучше схватывает её предмет, у какого имени больше точности, у какого меньше

идеологической нагрузки. На таких вопросах строится, например, философская работа над одним понятием. Другой тип — между задачами: подходит ли это имя для именно этой задачи, на этом уровне анализа. Когда вопрос второго типа предъявляется как первый, ответ оказывается ложным. Замкнутость не претендует быть лучше автаркии: в задаче автаркии она точно хуже, потому что у неё нет этической разработки. Замкнутость точнее автаркии в задаче этой книги, и только в ней.

В книге независимость стоит рядом со свободой и силой. Свобода введена как зазор: открытость возможностям, незакреплённость, способность не быть определённым ничем заранее — то есть расстояние, отделяющее субъекта от внешнего. Сила введена как контакт: способность производить изменения, требующая точки опоры и сцепления с реальностью — то есть способ соприкосновения, через который субъект и мир оказывают друг на друга воздействие. Эти два образа стоят на одном уровне: оба называют способ быть в отношении к внешнему.

Чтобы три свойства образовали одну структуру, третий образ должен стоять на том же уровне. Он должен называть способ отношения к внешнему — но способ, отличный от расстояния и от сцепления. Замкнутость отвечает этому требованию: она называет такой способ, в котором отношение к внешнему свёртывается, замыкается на самом субъекте. Не приближение и не удаление, не сцепление и не разрыв, а замыкание: контур, проведённый изнутри, вокруг которого внешнее остаётся внешним, но не служит опорой существования.

Свёртывание отношения здесь не значит его прекращения. Замкнутый субъект может быть в отношении к миру, может его воспринимать, может на него отвечать — но эти отношения не задают форму его существования. Они происходят внутри замкнутости, не образуя её. Каждый из трёх образов называет структурную позицию, а не описание поведения; и поведение в каждой из позиций может расходиться широко. Структурная позиция — то, на чём держится форма существования; поведение — то, что в этой форме делается. Замкнутость как структурная позиция не запрещает контакта с миром в обиходном смысле; она задаёт только то, что встречи с миром не выносят основание существования вовне.

Так складывается триада образов: расстояние, сцепление, замыкание. Зазор и контакт — два разных способа быть в отношении к внешнему; замкнутость — третий, существующий через свёртывание этого отношения. Все три — модусы отношения к внешнему, но каждый по-своему: первый через дистанцию, второй через соприкосновение, третий через границу, удерживаемую самим субъектом. Без третьего нет трёх; есть пара, которая не образует структуры.

Соседние имена не могут заполнить это место. Автаркия описывает работу субъекта над собой — этический режим; этот режим возможен только тогда, когда замыкание уже есть, но сам он не есть замыкание. Суверенность описывает статус — политическую категорию; статус возможен только потому, что замыкание уже есть, но сам он его не задаёт. *Self-reliance* описывает культурную форму — определённую исторически сложившуюся реализацию замыкания; форма опирается на замыкание, но не есть оно. Из этих трёх имён триада образов не строится: они находятся на других уровнях, не на уровне модусов отношения к внешнему.

Выбор замкнутости как несущего образа независимости — не утверждение, что другие имена слабее. Каждое из них работает в своей задаче, и в этой задаче работает лучше любого другого имени. Автаркия точна там, где предмет — этическая работа над собой; вне этого предмета автаркия становится неточной. Суверенность точна там, где предмет — политические отношения; вне этого предмета она становится метафорой. *Self-reliance* точна там, где предмет — определённая культурная традиция; вне этого предмета она тащит за собой идеологический фон.

Замкнутость работает в задаче этой книги. Это её предмет; в нём она точна, как другие имена точны в своих. Это не предпочтение, а условие. Без замкнутости триада образов не складывается; с любым другим образом независимости третьего модуса нет, и три угла не

образуются. Если убрать замкнутость и поставить на её место автаркию, картина рассыпется: одна часть будет о модусе отношения к внешнему, другая — об этическом режиме, и общей структуры между ними не будет. То же с суверенностью и с *self-reliance*. Триада зазор / контакт / замкнутость возможна только при выборе именно этих трёх образов.

Это и определяет интонацию выбора. Не «замкнутость — единственно правильное имя независимости», а «замкнутость — то имя, которое эта книга может удержать как несущее, и без которого её собственная задача не складывается». Любая другая книга на других основаниях могла бы взять автаркию, суверенность или *self-reliance* как несущее имя; и в своей задаче была бы права. Здесь выбор делается под задачу — и потому он не выглядит как универсальный приговор соседним именам. Они остаются работать там, где работают; здесь работает другое.

Это и определяет следующий шаг рассуждения. Если три свойства стоят как три модуса отношения к внешнему — расстояние, сцепление, замыкание, — то можно спросить, как они соотносятся между собой как модусы. Этот вопрос задаётся только на этой триаде образов; на любой другой триаде он не имеет того же смысла. Замкнутость предъявлена не как лучшее имя независимости, а как тот её образ, на котором три свойства становятся видимы как одна структура.

3.4. Жизнь в замкнутости: основания в себе

Жить в независимости значит существовать так, что собственное основание для бытия не лежит снаружи. Это не значит, что мира нет или что он отсутствует. Мир присутствует, окружает, воздействует, входит в восприятие. Но он входит не как опора существования, а как то, что субъект может видеть, ощущать, обдумывать, переживать. Структурная разница в том, где находится точка, на которой держится сам факт того, что субъект есть.

В жизни замкнутого субъекта эта точка внутри. Не «внутри» в смысле какой-нибудь анатомической или психической области, а в смысле собственной формы существования. Субъект держится тем, что он есть, на себе самом. Это не моральная установка, не выбор, не принятая в какой-то момент позиция; это структурное состояние, в котором условия для существования субъекта не требуют непрерывной встречи с внешним.

Если для одной структуры существования существенна непрерывная встреча с миром — потому что без неё нечему происходить, — то замкнутость работает иначе: для неё встреча с миром есть событие, не условие. Событие может произойти, может не произойти; в обоих случаях субъект остаётся. То, что делает его собой, не вынесено в эту встречу. Не зависеть от мира значит не нуждаться в нём как в условии существования, а не отгораживаться от него.

Эта структурная разница чувствуется в том, как замкнутый субъект встречает неудачу или утрату. Если основание существования вынесено в мир, потеря в мире касается основания — и субъекту приходится восстанавливать себя через восстановление утраченного во внешнем. Если основание внутри, потеря в мире касается жизни, не оснований жизни. Утрата болезненна, осмысляема, она не обходится без следа — но она не разрушает того, что делает субъекта собой. Тот же ход применим к успеху и к признанию: они входят в жизнь, но не задают её устойчивости. Внешнее остаётся внешним.

Формула «отсутствие нужды в другом» имеет, как и «существование из собственных оснований», два слоя — поверхностный и структурный.

Поверхностно «отсутствие нужды в другом» читается как эмоциональная или этическая характеристика: не нуждаться — значит быть равнодушным к другим, не желать их компании, не дорожить связями, не вступать в близкие отношения. Это житейская картина, из которой легко собрать тип одинокого мизантропа, замкнутого в собственной квартире и презирующего общение. Замкнутость в смысле этой главы не имеет к этому никакого отношения.

Структурное «отсутствие нужды в другом» — это положение, при котором существование субъекта не требует другого как условия. Замкнутый субъект может входить в близкие отношения, может быть привязан, может строить совместную жизнь. Эти встречи и связи происходят, и они могут быть для субъекта значимы — как и любое другое его содержание. Но если другие исчезают, субъект не лишается своего основания. Основание не лежит у них; оно у него самого.

Это и не одиночество как лишение, и не равнодушие как этический выбор. Одиночество как лишение возникает там, где другой нужен структурно; равнодушие как этический выбор — там, где субъект сознательно отказывается от значимости других. Замкнутость не одно и не другое: это просто иная форма отношений, в которой другие могут присутствовать или отсутствовать, не задавая того, что делает субъекта собой.

Эта формулировка снимает ложное противопоставление, через которое замкнутость часто описывают: либо нужда в другом, либо безразличие к нему. На структурном уровне есть третья позиция — внимание без структурной нужды. Другой может быть значим без того, чтобы быть условием существования. Значимость и нужда — разные категории; они сводятся друг к другу только в той картине, в которой существование субъекта вынесено вовне и потому держится связями. В замкнутости значимость остаётся, нужда отпадает.

Слово «самодостаточность» имеет ту же двойную природу. В обыденном употреблении оно означает что-то вроде «обходящийся без посторонней помощи» или «не нуждающийся в одобрении» — характеристики, которые легко перевести в моральные качества. В структурном смысле самодостаточность означает другое: завершённость основания.

Структурная завершённость не есть отказ от роста. Замкнутый субъект может развиваться, меняться, проходить через опыт. Он может узнавать новое, осваивать незнакомое, становиться иным, чем был раньше. Самодостаточность не запрещает изменения; она задаёт только то, что изменение происходит внутри уже готовой формы оснований. Не «достроить недостающее», а развернуть то, что уже стоит на своих основаниях.

Структурная завершённость не есть и неспособность быть затронутым. Замкнутый субъект может быть затронут — событиями, встречами, открытиями, утратами. Затронутость не отменяет замкнутости и не подрывает её, потому что не задаёт основания. Что-то может тронуть субъекта сильно, изменить его внутренние акценты, сменить интонацию его жизни — и замкнутость при этом сохранится, если основание остаётся внутри.

Эту структурную завершённость точнее всего описать как полноту оснований, а не как окончание движения. Движение возможно, но оно не закрывает внутреннюю недостающую часть — потому что её нет. Не «всё нужное у меня уже есть, и больше не надо», а «всё нужное для того, чтобы быть собой, во мне самом, и любые встречи, любые приобретения, любые изменения происходят на этом фоне». Завершённость здесь — структурное свойство, не итог биографии.

«Внутренняя недостающая часть, которой нет». В одной картине субъекта существует представление о неполноте: чего-то не хватает внутри, и эта нехватка должна быть закрыта — встречами, отношением, обретением, признанием, осуществлением. В картине замкнутости такой недостающей части нет — не потому, что субъект собрал всё, что нужно, а потому, что сама структура существования не построена на нехватке. Полнота не есть результат; она есть форма, в которой нет места для пустого центра, требующего заполнения.

Из этой структурной завершённости вытекает важная черта замкнутости: её нельзя разрешить или закрыть жизненным событием. Замкнутость не разрешается одиночеством, не закрывается уединением, не отменяется встречами. Любая встреча происходит на фоне замкнутости и не делает её ни больше, ни меньше замкнутостью; любое одиночество происходит на том же фоне с тем же эффектом; любое уединение тоже. Сменить замкнутость на что-то другое жизненным событием невозможно — потому что она не положение, а форма.

Положение можно поменять; форму — нет, пока существование само остаётся в этой форме. Изменить замкнутость можно, только привлекая другую структуру: сцепление с миром, открытость зазора, длительность. Без такой смены структуры замкнутость остаётся как способ существования.

Замкнутость в этом смысле не состояние, а форма, в которой субъект длится изнутри. Это длящееся «изнутри» — не временная протяжённость, а способ, которым форма удерживает себя через время. Замкнутость не моментальный акт; она способ, которым субъект непрерывно есть собой. В отдельной точке времени можно увидеть, что субъект сейчас держится на себе; но замкнутость как форма — это то, что субъект делает на каждом следующем шаге. Не «совершается раз и сохраняется», а удерживается каждым следующим разом. Без этого длящегося удержания форма распадается: основание выносится наружу, и существование перестаёт держаться изнутри.

Существовать в замкнутости значит длить замыкание на себя, не закрывая его — то есть не превращая его в окончательное отграничение от мира, а удерживая как форму, через которую мир продолжает присутствовать, не задавая основания.

Жить в независимости — длить замкнутость, не нуждаться в другом не на словах, а структурно. Самодостаточность здесь не моральный итог, а способ существования: форма, в которой субъект продолжает быть собой, не вынося основание этого «быть» вовне. Замкнутость как круг, проведённый изнутри, оказывается в этой форме не оградой и не убежищем, а самим способом существования.

Триада зазор, контакт и замкнутость теперь полностью названа. Каждое свойство имеет собственный первичный образ; три модуса отношения к внешнему стоят рядом — расстояние, сцепление, замыкание. Три способа быть в отношении к миру или, точнее, три способа того, как это отношение существует: один как открытый интервал, второй как точка соприкосновения, третий как граница, удерживаемая изнутри.

Свобода, сила, независимость названы как три модуса. Тройка стоит, но стоит молча. Что значит для субъекта удерживать одно из трёх, удерживать два или удерживать все три — этот вопрос только теперь становится возможным. Образы готовы; формула — ещё нет.

Глава 4. Тройное противоречие

Три свойства теперь стоят рядом — каждое со своей феноменологической структурой, со своим несущим образом, со своим способом удерживать субъекта в отношении к внешнему. Но «рядом» — не «вместе». Стоять рядом могут предметы, не подкрепляющие друг друга и не складывающиеся в общую фигуру; и это самый интересный случай в работе с понятиями, потому что обыденная речь его маскирует. В обыденной речи свобода, сила и независимость звучат как сросток — как три имени для одного желаемого состояния, которое следует приобретать одновременно. Стоит положить их рядом и присмотреться — и сросток оказывается не общим телом, а пересечением трёх векторов, расходящихся из одной точки.

Эти векторы расходятся не как мнения о разных предметах, а как разные способы относиться к одному предмету. Каждое из трёх свойств определяет, как субъект стоит по отношению к внешнему: насколько он отстоит, насколько прикреплён, насколько свёрнут на себя. Вопрос об их совместимости — это вопрос о том, могут ли три разных стойки удерживаться одновременно в одном теле. Они не могут. Но это «не могут» появляется не сразу, и предъявить его нужно не утверждением, а развёртыванием.

Аргумент работает как наблюдение, а не как вывод. Не «из посылок А и В следует В», а «при достаточной точности предъявления видно, что эти три модуса не складываются». Сила такого предъявления проверяется не им самим, а тем, что оно открывает дальше — там, где три удерживаемые пары будут показаны как три устойчивые формы существования. Здесь же триада должна стать формулой: рабочим аппаратом, через который видна не структура свойств, а структура самого субъекта.

4.1. Зазор, контакт, замкнутость как три модуса отношения к внешнему

В трёх предыдущих главах каждое из свойств было показано через свой несущий образ. Свобода — через зазор: расстояние между субъектом и миром, в котором субъект не закреплён ничем заранее, не сведён ни к одному из своих определений. Сила — через контакт: точку приложения к миру, в которой субъект сцеплен с реальностью и потому может производить в ней изменения. Независимость — через замкнутость: свёртывание отношения к внешнему внутрь, существование на собственных основаниях. Три образа были предъявлены отдельно — каждый в своей собственной грамматике, со своим феноменологическим контуром, со своими отстройками от соседних определений.

Теперь эти три образа поставлены рядом — впервые. И в их соседстве становится видно то, что в каждом по отдельности не звучало. Все три говорят об одном и том же — об отношении субъекта к внешнему. Но об этом отношении они говорят по-разному: один — как о расстоянии, другой — как о точке прикрепления, третий — как о свёртывании. Свобода, сила, независимость, взятые в их феноменологии, оказываются тремя способами субъекта стоять по отношению к тому, что не есть он сам.

Это «рядом» меняет статус трёх образов. Пока зазор, контакт и замкнутость были несущими формулами для трёх отдельных свойств, они работали как описание: каждый объяснял, в чём состоит соответствующее свойство и чем оно отличается от соседних. Собранные в одно поле зрения, описания превращаются в нечто другое — в формулу, через которую видна структура самой субъективности. Три не сводимых друг к другу способа стоять — и вопрос уже не в том, что значит каждый из них в отдельности, а в том, что эти три способа вместе делают возможным или невозможным.

Зазор, контакт, замкнутость — три модуса отношения к внешнему. Каждый модус определяется собственной формой того, как субъект соотносится с тем, что вне его. Зазор — расстояние, не пустота: пустота есть отсутствие отношения, зазор же есть отношение в форме открытости, в которой ни одна определённая не закрывает других. Контакт — приложение, не слияние: слияние стирает различие субъекта и мира, контакт удерживает их различёнными в самой точке сцепления; в этом он и есть рычаг — место, где приложенное усилие переходит в изменение. Замкнутость — свёртывание, не изоляция: изоляция есть социальный или географический факт, замкнутость же есть структурное закрытие отношения, удерживаемое и в гуще людей. Три модуса задают не три зоны жизни, а три формы того, как субъект устроен по отношению к внешнему.

Каждый из трёх модусов был развёрнут в своей главе не только как описание, но и как условие. Зазор — условие свободы: только в расстоянии, в котором субъект не сведён ни к одному из своих определений, возможно его несовпадение с любым из них. Контакт — условие силы: только в точке приложения к миру возможно действие, способное в нём что-то менять; без точки приложения остаётся не ослабленная сила, а её отсутствие. Замкнутость — условие независимости: только в свёртывании отношения внутрь возможно существование на собственных основаниях; без этого свёртывания субъект остаётся встроенным в обмен, а значит, нуждающимся. Три условия — три формы устройства; не «у субъекта есть свобода, сила, независимость», а «субъект устроен в зазоре, в контакте, в замкнутости». Когда говорят о свойствах, ускользает структурный факт: каждое из них есть не атрибут субъекта, а форма его соотношения с внешним. Именно в этой форме они становятся видны как несовместимые.

Различие между формой и зоной существенно. Зона — место, в которое можно войти и из которого можно выйти; форма — то, как субъект устроен в любом месте. Свободный субъект свободен не в особой зоне свободы, а потому, что зазор есть его собственный модус отношения к миру. Сильный субъект силен не там, где есть подходящие условия, а потому, что контакт есть его модус. Независимый субъект независим не в условиях, благоприятствующих автаркии, а потому, что замкнутость есть его модус. Формы переносимы и удерживаемы — они и есть то, что субъект собой представляет в отношении к миру.

Здесь уместен вопрос: почему именно три модуса, а не два или четыре. Этот вопрос здесь не открывается и не должен открываться: триада получена не комбинаторным перебором возможных отношений к внешнему, а обратным путём от трёх феноменов — свободы, силы, независимости. Каждый из них в обыденном употреблении звучит самостоятельно; каждый в феноменологическом анализе обнаружил собственный модус, не сводимый к двум другим. Свобода обнаружила зазор. Сила обнаружила контакт. Независимость обнаружила замкнутость. Иначе говоря, число модусов задано не структурно, а феноменологически: их три потому, что три данных в опыте свойства потребовали трёх различных описаний. Тот факт, что эти три описания не удалось свести к двум или к одному, — и есть исходное наблюдение, на котором стоит вся дальнейшая конструкция. Если бы три описания свелись, не было бы и трилеммы; они не свелись, и поэтому она есть.

Эта триада — несущая конструкция всей дальнейшей работы. На ней держится развёртывание тройного противоречия: каждые два модуса требуют структуры, отменяющей третий, и развёртывание этого отрицания возможно только при том, что триада задана как формула, а не как описательный список. На ней держится демонстрация трёх устойчивых форм субъективности — собирания удерживаемых пар в живые архитектуры существования. На ней держится и поздний поворот, через который видно, что эта несовместимость есть не нехватка, а форма самой конечности субъекта.

Поэтому формула задаётся в её предельной простоте, без декоративных уточнений. Зазор не заменяется небом, полётом, ветром. Контакт не заменяется ударом, мускульной мощью, военной силой. Замкнутость не заменяется уединением, отшельничеством, мизантропией.

Несущая конструкция должна оставаться чистой, чтобы выдержать вес, который дальше будет на неё ложиться. Декоративные синонимы рассеивают эту чистоту: превращают аналитический инструмент в украшение и тем самым выводят его из пользования. Поэтому триада появляется только в одном виде — зазор, контакт, замкнутость; и каждое из этих трёх слов берётся в той форме, в какой оно было выработано ранее, без расширений.

В этой форме она становится формулой. Свобода, сила, независимость теперь не три имени для близких благ и не три параметра, по которым можно было бы оценивать существование, а три способа стоять. Способы, не свойства. Различие тонкое, но решающее: пока речь шла о свойствах, можно было предполагать, что они складываются в одну позицию по линии прибавления — больше свободы, больше силы, больше независимости. Когда речь идёт о способах стоять, прибавление становится бессмысленной операцией. Три способа стоять либо являются одной и той же стойкой, либо тремя разными. Они — три разные. И в этом различии заключено всё, что будет сказано дальше: формула не складывается, потому что складывание требует общей стойки, а её нет.

4.2. Свобода и сила требуют сцепления — и потому отменяют независимость

Удерживать свободу и силу одновременно — значит существовать в двух модусах сразу: в зазоре и в контакте. Зазор есть расстояние между субъектом и миром, в котором субъект не закреплён ни одной из своих определённостей. Контакт есть точка, в которой субъект приложен к миру, точка, через которую возможно действие, изменяющее мир. На первый взгляд эти два модуса не сталкиваются: зазор оставляет открытым, что именно сделает субъект, а контакт реализует сделанное в действительности. Если один открывает пространство, а другой работает в этом пространстве, их совмещение кажется не только возможным, но и естественным — даже желаемым.

Вглядевшись, замечаешь общее. Зазор и контакт суть формы отношения к внешнему: один — как открытость к нему, другой — как сцепление с ним. Открытость и сцепление — два разных способа быть обращённым к миру, но оба обращены. Это сходство и есть то, что делает их совместимыми в одной фигуре существования: оба модуса требуют внешнего как поля своей работы. Свобода без мира, на который она открыта, превращается в пустоту, не имеющую содержания. Сила без мира, в котором она прилагается, превращается в напор, не имеющий точки опоры. Свобода и сила в этом смысле говорят об одном и том же — о субъекте, обращённом к внешнему как к своему собственному полю.

Это обращённость — не дополнительная характеристика пары, а её структурное условие. Чтобы свобода и сила удерживались одновременно, субъект должен быть сцеплен с миром: не прикован к нему, не сросшийся с ним, но существующий через отношение к нему. Зазор без внешнего исчезает: ему нечем быть, кроме как зазором между субъектом и тем, что не есть он сам. Контакт без внешнего исчезает: ему нечем быть, кроме как точкой соприкосновения. Оба модуса конституируются миром как своим полюсом, и в этой двойной конституции лежит структурное условие их совместного удержания — быть-в-отношении.

Сцепление в этом значении — не выбор, который субъект мог бы отменить, а структурный факт его собственного устройства; поскольку оба модуса, удерживаемые им, существуют только в обращённости к внешнему, отказ от обращённости отменяет их сразу. Свободно-сильный субъект существует через мир: его открытость есть открытость к чему-то, и его действия совершаются в чём-то. Без этого «к» и без этого «в» нет ни свободы, ни силы; они исчезают как формы и превращаются в имена несуществующих состояний.

Если предъявить эту обращённость в её собственной форме, она выглядит как двойное стояние: субъект стоит в открытости к миру и одновременно стоит в точке его сцепления.

Открытость не предшествует сцеплению и не следует за ним; они суть две стороны одной обращённости. То, что субъект свободен, означает: мир для него ещё не закрыт ни одним из его прежних определений. То, что субъект силен, означает: в этой открытости он находит точки, через которые мир приложен к нему, а он — к миру. Свобода даёт пространство, в котором действие имеет место; сила реализует в действительности то, что свобода оставляет возможным. И одно, и другое существует именно в этом — в обращённости, держащей субъекта в отношении к миру как к своему полю.

Третий модус — замкнутость. Замкнутость есть свёртывание отношения к внешнему внутрь, опора на собственные основания, существование, не нуждающееся в другом. Это не подавленность, не отказ от мира как враждебной силы и не невозможность с ним соприкоснуться; это способ быть, при котором субъект конституирует себя из себя самого, не из мира. Замкнутый субъект не открыт к миру как полю возможностей: возможности он находит в себе, не вовне. Замкнутый субъект не приложен к миру в точках действия: его действие исходит из его собственной формы, а если оно касается мира, то не сцепляется с ним в смысле зависимости от него. Структура замкнутости — закрытие отношения, не его удержание.

И потому, удерживая свободу и силу, субъект отменяет независимость. Не как этический выбор, в котором независимость могла бы быть предпочтена и оказывается отвергнутой; не как ошибку, при которой можно было бы стремиться к ней и не достигать; не как ослабление, при котором она удерживается частично. Структурно: модус, требуемый парой, и модус замкнутости — два разных способа быть. Сцепление есть отношение к миру как к собственному полю; замкнутость есть свёртывание этого отношения внутрь. Один модус включает мир как условие; другой исключает мир как условие. Они не складываются в одну позицию, потому что описывают противоположные структурные движения по отношению к внешнему.

Если бы свободно-сильный субъект попытался удержать рядом с двумя своими модусами ещё и замкнутость, ему пришлось бы одновременно быть обращённым к миру и свёрнутым в самом себе. Замкнутость требовала бы, чтобы основания его существования лежали в нём самом, не в отношении к миру; обращённость требует, чтобы те же основания — основания зазора и основания контакта — лежали именно в этом отношении. Один и тот же предмет, основания существования, не может находиться сразу в двух противоположных местах. Это не диалектика, в которой противоположности соединяются на новом уровне, и не парадокс, который мог бы быть разрешён более тонкой формулировкой. Это структурное несоответствие двух модусов: они дают противоположные ответы на один и тот же вопрос — где субъект находит то, через что он есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.